

Обсуждаются вопросы, касающиеся процессов конверсии в динамике жизни города. Рассматриваются проблемы конверсии иркутских промышленных предприятий, их случайный или закономерный характер. Высказываются обоснованные мнения об изменениях в городской топонимике. Анализируются случаи захвата территорий на берегах Ангары и Байкала.

Ключевые слова: конверсия; реконструкция, Иркутск; Байкал; промзоны; Международный Байкальский Зимний градостроительный университет; городская топонимика; культура. /

The discussion touches upon conversion processes in the dynamics of city life. The participants consider the problems of conversion of Irkutsk's industrial enterprises, their random or natural character. They give reasons for their opinions on the changes in the city toponymics. They also study the cases of annexation of waterfront territories at the Angara River and Lake Baikal.

Keywords: conversion; reconstruction; Irkutsk; Baikal; industrial zones; International Baikal Winter University of Urban Planning Design; city toponymics; culture.

Дискуссионный клуб «Конверсия» / Discussion Club "Conversion"

Елена Григорьева Как всегда, оказалось, что выбранный термин «Конверсия» весьма широк по смыслу: это всякое преобразование, изменение, переформатирование, перезагрузка. Конечно, мы поговорим и о традиционной трактовке темы – конверсии промышленных предприятий. Случайно или нет, но иркутская конверсия двигалась особым образом: сразу несколько промышленных предприятий переформатировались в торговые и расположились на одной торговой оси, что тоже стало потенциальной идентичностью Иркутска. Прошлое влияет на настоящее: в Иркутске, некогда купеческом, «большепром» возвращается исключительно в торговлю.

Странно, что никак не реализуется модное и в Москве, и на западе направление: перевоплощение промышленных зданий в художественные галереи, музеи современного искусства. Утрачена подобная возможность на Цесовской набережной – собственники, некогда говорившие о возможности превратить памятник промышленной архитектуры в музей современного искусства, в прошлом году лишили его статуса памятника. Лондонская галерея Тейт в похожей ситуации поступила иначе.

Тема совпадает и с 19-й сессией Международного Байкальского Зимнего градостроительного университета «Браунфилд – новые перспективы для полуострова Затон». Конверсия территории полуострова началась стихийно, без проекта планировки и прочих «излишеств» – с появления там крупнейшего торгового объекта Леруа Мерлен.

Интересным образом конверсионные процессы отражаются в городской топонимике. Удачный иркутский пример: кондитерская фабрика, расположенная на торговой оси, превратилась в торговый центр с именем «Карамель». В Амстердаме молочная фабрика стала культурным и арт-центром с названием «Млечный путь».

В нашем номере собирается блок «конверсия профессии»: как и многие другие профессии, профессия архитектора меняется на глазах, в том числе под влиянием новых технологий, нового образа жизни, связанного с работой в удаленном доступе, с интернет-технологиями, под влиянием новых подходов к городскому пространству и соучаствующему проектированию. Это отдельная глубокая тема, как и то, что наш образ жизни в корне

15 февраля 2018 года для разговора на тему «Конверсия» в иркутском Доме архитектора встретились участники ставшего традиционным дискуссионного клуба ПБ.

В обсуждении принимали участие: начальник Управления культуры и туризма администрации г. Иркутска Виталий Барышников; издатель и главный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда», профессор ИГУ Александр Гимельштейн; архитектор, издатель и главный редактор журнала «Проект Байкал» Елена Григорьева; архитектор, обладатель Гран-при фестиваля «Зодчество Восточной Сибири–2017» Николай Жуковский, кандидат технических наук, докторант психологии Константин Лидин; Заслуженный архитектор Российской Федерации Владимир Стегайло; архитектор, председатель Совета ИРО ВООПИК, научный руководитель научно-исследовательской лаборатории архитектурного наследия ИРНТУ доцент Алексей Чертилов.

меняется вопреки нашим желаниям: благодаря IT-технологиям исчезает ощущение приватности; информация о каждом гражданине, его передвижениях, платежах, его переписка перестают быть тайной. Жизнь подвергается коренному изменению.

Николай Жуковский Все промышленные объекты города, по генеральному плану, подлежали выносу за пределы города, на что требовались огромные территории и затраты. В перестройку произошло чудо – почти все они исчезли или перепрофилировались, и на это не затрачено ни копейки народных средств. Очень интересный механизм, требующий изучения и внедрения...

ЕГ Копейки народных средств вообще-то перешли в частный карман... Но мы не об этом... Прецедентов превращения промышленных предприятий в рекреационные зоны у нас вообще нет. А на самом деле это прогрессивный путь: город может быть дополнен дефицитными рекреационными пространствами. В Барселоне мы видим: руины промышленного предприятия, его аркады стали инсталляцией в парке, а этот великолепный парк расположен в самом центре города.

НЖ Передел собственности 90-х из-за коммерческой целесообразности сделал почти невозможным превращение промзон в озелененные участки, а административная «воля», выраженная в деньгах, отсутствовала.

Константин Лидин На улице Красноказачьей есть здание, принадлежащее Министерству обороны, которое заброшено уже лет 15. Оно прекрасно освоено в качестве рекреационной зоны: там проходят квесты, которые устраивают несколько компаний за небольшие деньги; сталкеры бродят. И правительство ни при чем. Конверсия часто происходит самопроизвольно и незаметно для глаз, сама собой. Таких примеров самопроизвольной конверсии гораздо больше, чем планомерной.

Алексей Чертилов В Америке жилье стало превращаться в мастерские художников тоже стихийно. Они там стали тусоваться, а потом это превратилось в народное движение.

КЛ Можно предложить классификацию на конверсию восходящую, когда объект возрастает в ценности, и нисходящую, когда он теряет ценность.

АЧ Как недвижимость оно точно теряет в ценности, пока годами стоит и разрушается.

ЕГ С другой стороны, земля в центре города все эти годы дорожает.

Виталий Барышников У нас завод радиоприемников конверсировался в учебный комплекс частной школы и университета (САПЭУ).

Александр Гимельштейн Уже возник и следующий этап деградации – деградировал и САПЭУ: в нем были значительно занижены стандарты образования, поэтому он должен был пасть жертвой государственной регуляции.

ВБ Тем не менее пример очень любопытный: пере-профилирование не в торговый центр (что произошло с остальной частью радиозавода), а в учебное заведение. Там институт культуры возник, именно в том корпусе; некоторые иркутские галеристы успели даже образование получить. Один из хороших залов вмещал почти 350 человек, таких в Иркутске совсем немного.

АЧ До недавнего времени мы пользовались двумя словами, которые полностью закрывали слово «конверсия»: модернизация и реконструкция. Модернизация – изменение пути, изменение жизни, а реконструкция – изменение объектов недвижимости. Все вместе получается конверсия...

КЛ Конверсия – это смена смысла. Она отличается еще и тем, что поменявшийся смысл объект начинает менять и смысл среды вокруг себя. Промышленные объекты превращаются в торговые – и меняется смысл всего района. Мне хотелось бы задать вопрос архитекторам: поддается ли планированию эта смена смысла в масштабах больших, чем один объект? Можем ли мы спланировать, как это отзовется вокруг него?

АЧ Это делают менеджеры: например, «Фортуна» смогла заниматься модернизацией и спровоцировала изменение производства на торговлю. Сама ситуация подтолкнула к тому, что надо менять направление деятельности; поначалу было даже не очень понятно, какова будет специализация.

Владимир Стегайло Я все-таки остаюсь сторонником государственного регулирования данных процессов.

Да, многое шло самотеком. Не буду хвастаться, но кое-то удалось подправить в этом произвольном и хаотичном движении. Таких территорий в городе много и кроме «Фортуны»: ИВВАИУ – тоже такой же объект конверсии, 120 га в самом сердце Иркутска. Релейный завод – это мобильные фрагменты, но территория в город совершенно не интегрирована. На территории «Фортуны» (50 га) мы пытались объединить интересы трех собственников, но соединить их не удалось. Только одному из них что-то удалось сделать с пробивкой пешеходных направлений, с выдавливанием транспорта. Мы предлагали мэру: надо объединить территорию под флагом города, пробить улицы, выйти на реку Ушаковку и продлить структуру кварталов города, интегрировать территорию в 45 га, найти масштаб уличных пространств. Но ничего не получилось... Завод живет собственной жизнью, хотя сейчас что-то происходит и там. Меня волнует территория ИВВАИУ, то, что происходило с Красными Казармами. Проект планировки делал «Иркутскгражданпроект», но там совершенно не связанное с городом пространство, стихия полная. Бесполезно полагаться на эффективность саморазвития: собственники с узким пониманием своих целей ничего не смогут сделать. Если бы власть проявила интерес, не нарушая интересов каждого, возможно было бы многое сделать.

АЧ Все правильно. Есть и другие, не советские технологии, которые учитывают интересы: и собственников, и жильцов, и общегородские. Все может быть по-другому, чем сейчас.

КЛ А мы можем предсказать развитие целого района на несколько лет вперед?

АЧ Санкт-Петербург сегодня пошел по пути регулирования: город включает в себя бизнес, а не бизнес диктует, что он хочет.

ЕГ Мне кажется, архитекторы осмысливают уже произошедшее. Владимира Борисовича Стегайло позвали, когда возникла необходимость урегулировать хаос на огромной территории бывшего завода. Архитектор сделал свое дело: создал пешеходную ось, вывел ее на набережную надземным переходом. В этом его организующее начало.

То, что все объекты трансгородской торговой оси

выстроились по одной линии – это тоже было осмыслено постфактум. На перераспределение собственности и перепрофилирование архитекторы не влияют, эти процессы шли стихийно.

ВС Как я понимаю, собственнику мало интересно наше пристрастие к кирпичным трубам и т. д. Как я действовал, открывая пространства цехов в стиле хай-тек? Иезуитским путем. Привлекли пожарных, нашлись нормы, запрещающие перекрывать павильоны. Если сейчас зайти – все металлоконструкции покрашены, восстановлен хай-тек 30-х годов в очень оригинальной конструкции пространства цехов. Сейчас, к сожалению, многие архитекторы полагаются на самотек. Но нужна творческая воля, чтобы изловчиться создать или сохранить что-то, несмотря на требования заказчиков. К сожалению, в Иркутске только отдельные примеры: Доренберг пытается сделать что-то на своей территории. Мне кажется ошибкой то решение, которое приняли по Цесовской набережной. Можно было использовать и оригинальную наклонную конструкцию для подачи угля; и сохранить трубу, устроить там панорамный лифт с устройством самой высокой в России смотровой площадки. Ничего не привлекло инвестора, все пойдет под снос. На нефтяной базе в Москве из круглых кирпичных емкостей из-под нефти сделали шикарные круглые поверхности, прорезав окна.

КЛ Давайте поговорим о том, что происходит в реальном мире. В 130-м квартале уже понастроили верандочек, никакие пожарники этому помешать не смогли.

ВС Коррупционная схема работает....

КЛ Хотелось бы обсудить вопрос, как меняется смысл города в связи с переименованием улиц? В Иркутске с этим довольно оригинальная ситуация. Из восьмисот названий примерно половина – географического происхождения, по именам ближних и дальних мест. Из оставшихся половина – деятели культуры, другая – деятели революции и войн. Причем деятели войны и революции – какие-то ползабытые персонажи, известные только посвященным профессионалам, а деятели культуры гораздо крупнее масштабом. И что с этим происходит – какая идет конверсия?

АГУ У нас были эксперименты. Первый вариант конверсии – переименование улицы Ф. Листа в улицу Н. Ф. Салацкого, произведенное мэром Якубовским. Инициатива была моя и редакции «Восточно-Сибирской правды». Это не привело тогда ни к какой общественной дискуссии. Второй случай – это свершенный, а другой стороны – остановившийся с точки зрения политической реакции процесс – возвращение дореволюционного топонима «Ул. Чудотворская» и замещение революционного топонима «Ул. Бограда». Третий случай – разделение сквера Кирова, площади графа Сперанского и Тихвинского сквера с возвращением двух ценнейших топонимов. И когда в итоге зданию Правительства области будет присвоен адрес: «Площадь графа Сперанского, дом № 1», я напишу внизу: «удовлетворен». Так получилось, целенаправленно или естественно, что на протяжении многих лет городская комиссия по топонимике, меняясь в своем составе, в большинстве является сторонником топонимической реставрации. Я бы свел основные наши аргументы на сегодня к главному – восстановление иркутской особенности. Какими бы ни были дореволюционные топонимические названия города Иркутска, в любом случае для каждого города, в том числе и для нашего, они все равно создают топонимическую уникальность. И мы склонны смотреть на топонимику как на историческую ценность, которую следует охранять не меньше, чем архитектурные и культурные памятники. Если мы получим политическую волю, если будет единство подходов у городской администрации и областного правительства, наша позиция достаточно легко трансформируется в региональный закон. Человеческая реакция жителей Чудотворской в итоге не несет и оттенка недовольства. Я думаю, что это самый дешевый способ корректировки искажений исторической памяти, произведенный сносами, реконструкциями. Снос Красных Казарм, на мой взгляд, вообще огромная дыра в культурном пространстве города Иркутска. Вырван его кусок, а то, чем он закрыт, опохабливание всего и всея. И если бы мы сегодня смогли восстановить 20–25 исторических топонимов центра города и чуть-чуть Глазково, это было бы посильным возвращением того, что собрали наши предки.

ЕГ Сейчас заканчивается проект благоустройства улиц Подгорная и Горная, которые сохранили исторические

названия. Их пересекают крутые улицы Грязнова, Борцов Революции, Киевская, ведущие на улицу Коммунаров, – нужно ли им возвращать названия?

АГ Мы ведь не против того оригинального советского, которое забывает унылое дореволюционное. Солдатские 1-я, 2-я, 3-я – это неинтересно, надо одну только Солдатскую вернуть – первую либо главную.

НЖ Я недавно столкнулся с равнодушием и легким невежеством при переименовании улиц 1-го поселка ГЭС, являющегося частью исторического комплекса – «Первенец Ангарского каскада гидроэлектростанций – Иркутская ГЭС». Исчезли улица Приморская и проспект Огни Коммунизма, отражающие и место, и дух времени целой эпохи – строительства коммунизма! Куда смотрела комиссия по топонимике? Куда делся целый исторический период, закрепленный в топонимике целого поселка?

ЕГ ...особенного поселка – сталинская архитектура, сталинская градостроительная сетка улиц...

АГ Подозреваю, что это энергетики у себя решили, возможно, ко дню Юбилея... Хотя сейчас без комиссии по топонимике это даже технологически произойти не может.

ВБ Если мы говорим об историческом центре, то принцип комиссии – возвращение исторических названий. Но у нас город развивается, и появляются новые микрорайоны, улицы и проезды. В любом случае это самый дешевый элемент влияния на живущих людей. Другое дело, что улицы иногда представляют хаотическую застройку и требуют реконструкции. Тогда следует более пристально отнестись и к названиям.

АГ И мы столкнемся с проблемой, которую уже сейчас ощущаем: с дефицитом смыслов. С одной стороны, сколько можно именами исторических деятелей называть улицы? С другой стороны, естественно, мы никогда не пройдем в городе Иркутске по «Виноградной» и не свернем на «Абрикосовую»: это приемлемо для садово-огородных товариществ. Какова может быть новая топонимика? Это тема для диалогов.

ВБ Или отдельной мировоззренческой дискуссии. Возможно, из-за нашего исторического образования

и исторического взгляда мы обращаемся к прошлому. А может, надо из сегодняшнего дня?

ЕГ Мне кажется, в первую очередь надо восстанавливать историческую топонимику. Кузьмихинская улица у нас есть, а вот Глазково, Титово, Кучумовский лог – эти названия не закреплены. Малые речки стали безымянными.

ВС А что делать с целыми районами, которые прирастают к Иркутску: Хрустальный и др.?

АГ Это Иркутский район, а там делают, что хотят.

ВС Мы бьемся за названия улиц города, а полгорода людей живут за городом, и что там творится – непонятно.

ВБ Однажды Людмила Михайловна Берлина, будучи спикером, собрала руководителей. Она обратила внимание вновь выбранных председателей Думы, что в отсутствие совета по топонимике вопрос о новых наименованиях должен регулироваться на уровне решения Думы и требует областного закона.

АЧ Я могу рассказать, как это происходило в соответствии с федеральным нормативом картографической службы. Картографы, приезжая на территорию, по инструкции обязаны были пользоваться тем, что уже названо, перепроверять, уточнять. Там, где было непонятно или не названо – они шли к местным жителям, охотникам. После шли в исполком, и если председатель совета был местным и знал ситуацию, то названия оставляли, а если нет, и председателю что-то не нравится – называли по-всякому.

АГ У нас есть печальный пример превращения Лиственничной в Листвянку в 70-х годах.

КЛ Байкальский луч начинает сейчас продвигаться: Чертугеевский полуостров распланирован и др. Каков смысл этой конверсии? Ведь это все сельские территории, цепь деревень до самого Байкала, включая Патроны. И они сейчас будут превращаться в городские по образу жизни. Какие названия будут там появляться? Есть ли какой-то общий смысл у этого огромного движения – развития Иркутска до Байкала включительно?

АЧ Разговор с местными жителями сейчас не работает.

КЛ Но сейчас вопрос уже не про топонимику; вопрос комплексный: как застраивать? Исходя из каких концепций?

ВБ Мне кажется, что город поглощает деревни, советская индустриализация продолжает жить.

КЛ А каковы качества этого города, который поглощает деревни?

ВС Идея есть. Байкальский луч как направление развития города – не способ застройки деревень, а продолжение Байкальской улицы, которая пронизывала все полуострова, концентрируя вокруг себя плотную застройку. Береговая линия должна оставаться общественной. Сейчас там низкая застройка, люди, живущие в коттеджах, не могут пройти к береговой линии. Что лучше? Концентрированная застройка вдоль луча, но при этом цветущие поля и возможность подойти к берегу, или сплошное поле застройки без разрывов? Я – сторонник сгустков, нанизанных на Байкальский луч, который заканчивался примерно на 17-м км.

ЕГ И водоохранная зона – естественная защита берега.

ВС При этом необходимо соблюсти самый жесткий закон по воде. Но у нас закон не работает, и все дома стоят вплотную к воде. Приезжая туда, я не могу попасть на берег, так как стоят автоматчики и шлагбаумы.

КЛ Иркутск – это и деревянные дома, и пятиэтажные панельки, и пятнадцатизэтажные свечки. Вы говорите, что город Иркутск будет развиваться. Какой из них будет развиваться? Или это мешанина, которая будет развиваться?

ЕГ Да, это многообразие. Но то, что город будет развиваться линейно в направлении Байкала, поняли еще шестидесятники.

ВБ Когда Листвянка перестала быть частью Иркутска? И когда стала?

НЖ Это чисто управленческая идея, чтобы штат не раздувать и не создавать свой сельсовет.

АЧ Областной центр гостей встречает и получает доступ без ограничений и согласования с администрацией какого-то там района сразу на Байкал...

ВБ Выйти на набережную Байкала в городе Иркутске – это красивая история.

НЖ У многих туристов, между прочим, представление, что город Иркутск стоит на берегу Байкала.

КЛ Правильно ли я понял, что мы не можем управлять конверсией по Байкальскому лучу, потому что мы не понимаем, чего хотим? Ведь если у нас нет цели, то и управлять мы не можем.

НЖ Административный путь регулирования конверсии, реализация крупных проектов требует политической воли, сил, средств и времени на реализацию. Сочетание и наличие этих факторов – очень редкая вещь, почти нереальная. Чаще он представляет свободный, исторически обусловленный процесс формирования города, сложенный из мелких управляемых кусочков. Вот из таких понятных кусочков и складывается «хаос» Байкальского луча. В глобальном смысле это неуправляемый, но я считаю – естественный процесс.

ЕГ Тем не менее, хозяйственными механизмами, прокладкой сетей, совершенствованием дорог сейчас дышат жизнь и дают импульс к развитию. Так что это вполне регулируемо, это в руках муниципалитетов и субъекта.

ВБ Для меня конверсия – слово из следующего ряда терминов: перестройка, ускорение, гласность, конверсия. Причем это был четкий государственный импульс. Государство понимало, что население испытывает дефицит потребительских товаров и надо было все то, что шло на оборону, конвертировать в народ. После 30 лет такой конверсии у нас сегодня одноразовая жизнь.

Технология изменила нас очень сильно, и мы даже не замечаем все эти гаджеты. Сейчас в городе мы создаем новые общественные пространства, пытаемся вытаскивать из людей какую-то историю места, напитать историей стандартные коробки-дворы. В то же время мы понимаем, что городское пространство изменилось изнутри. А у большинства горожан та же крестьянская психология: им нужен дворик, садик, огорожок. Есть и другая, но я не могу ее назвать конверсией: когда я ездил с дедом на колхозные поля, там пшеница росла, а сейчас там большемерные елки. Скорее всего, это деградация.

АГ Это не обязательно деградация: может, там пшеница плохо росла?

АЧ И природа берет свое.

ВБ Конверсия – это все-таки управляемый процесс; его либо декларирует собственник, ограниченный своим интересом, либо государство как собственник всей территории трансформирует политику. У государства или у его носителей в лице региональной и муниципальной властей вообще нет понимания долгосрочной перспективы развития. Как мы будем жить через 20 лет? Дискуссии публичной нет. А поскольку ее нет, соответственно, и понимания движения нет, и возникает вопрос политической воли: я так вижу, я так действую. Но моя политическая воля заканчивается с переизбранием.

АГ По поводу дискуссии относительно того, должно ли быть государство и где должно быть государство? На мой взгляд, формируя законодательство и норморегулирование, государство и муниципалитет в остальном должны действовать как сервисные служба. Если они будут и ощущать, и воспринимать себя так, тогда это в интересах общества: они правила игры принципиально сложили, реализовали свою политическую волю в виде законодательства и норморегулирования, а в том формате, который уже создан, осуществляют это влияние в виде сервиса ко всеобщему удовольствию.

АЧ В конверсии всегда должно быть три глобальных участника: инициатива общественности, бизнеса и власти. В идеале это должны быть три управленца: власть на своих возможностях работает, на одну цель – преобразование общественных территорий. Бизнес приходит со своими целями, задачами и возможностями. И обязательно участвует горожанин либо конкретной территории, либо всего города. Пока не встретятся три мудрых участника этого процесса и не сладят вместе одно дело, у нас все будет по-старому: власть сильная, продавливающая свои интересы, или бизнес, или жители, которые стараются добиться у первых двух того, чего хотели.

АГ Тут три фантастических допущения. Мы на мудрого монарха рассчитываем очень редко, а уж одновременно мудрый монарх, мудрый торговец и мудрый народ – тако-го даже фантасты не придумают.

ВБ В любом случае три разновекторные силы так или иначе куда-то приведут.

АГ Конечно, в любом общегородском деле есть элементы манипуляции. Но то, что сейчас в городе происходит с публичным обсуждением общественных пространств, я считаю – это гигантский прорыв. Понятно, что там участвует только небольшое количество граждан. Но ведь социум и формирует небольшое количество заинтересованных лиц; вот они и пришли.

ВБ Это правда, я такого раньше никогда не видел. Люди включаются в дискуссию, понимая, что их позвали не для того, чтобы прослушать доклады и одобрить их молчаливым согласием. Я не видел там скучающих людей: это либо люди, которые хотят высказаться, либо те, которые высказались и ждут экспертной оценки. Мне очень понравилось обсуждение темы Иерусалимского кладбища. Мы много лет дискутировали с представителями всех конфессий, убеждая их, что не все готовы официально называть это место кладбищем. Да, это кладбище, и памятник называется «кладбище», но топонимически мы называли его «Комплекс Иерусалимская гора». Впервые публично, резко, но без драк, достаточно интеллигентно были озвучены точки зрения за и против. Столкнулись две позиции горожан. Но я считаю, что наш компромиссный выбор названия самый лучший.

АГ Понятно, что на Иерусалимской горе танцев и плясок больше не будет, потому что там остался «живой» погост. Но это и не мемориальное кладбище. Название

должно ориентировать на создание места тихого отдыха.

ВБ В повестке очередного заседания комиссии по топонимике есть вопрос о территории ИВВАИУ. Есть предложение общественное пространство назвать «сквер». Но большинство названий не имеет отношения к истории места.

АГ В итоге будет «Курсантский сквер».

НЖ Выше прозвучала фраза «мы обращаемся к правительству». Так кто же должен принимать решение? Я считаю, администрация – хозяйственный орган, обеспечивающий условия жизнедеятельности. Зачем каждый раз спрашивать администрацию? Различные общественные организации или профессиональные сообщества должны выдвигать предложения и принимать решения. Кто должен выдвигать инициативу? Видимо, тот, кому это интересно или кого это беспокоит. Инициатива ниоткуда не появляется...

АГ Вот проблема, на которую никто еще ответа не придумал. Наши оппоненты по топонимической реставрации говорят о референдумах на улице, общегородских по каждому вопросу. Референдумов по этим вопросам быть не должно: непонятно, почему должен проводиться общегородской референдум по каждой улице? Кроме того, зачем мы выбираем муниципалитет? Городская Дума в принципе никогда хозяйственником не была. И мэр, по законодательству, не хозяйственник. У него достаточно полномочий, связанных с политическими решениями и законодательством.

ВБ Тенденция на соучастующее проектирование, такая пафосность меня очень настораживают. Да, обсуждение с людьми должно быть, нужно слушать каждого и вникать. Как сейчас разворачивается ситуация в соучастующем проектировании – это перекладывание ответственности на народ, заигрывание. Решения должны приниматься профессионалами. Когда я слышу, что специалистам и профессионалам участники соучастующего проектирования начинают рассказывать о ширине улицы и рекомендуют, как надо планировать части города, я опасаясь, что с этим можно доиграться. Я не уверен, что народ на данном этапе прав; необходимо мнение специалистов.

ЕГ Вы не одиноки в этом суждении. Но и абсолютно отгораживаться от мнения горожан, как это было раньше, нельзя.

ВБ В нашем городе данное соучастное проектирование доходит до конкретных указаний со стороны народа.

АГ Вопросы о названиях должны решать тоже профессионалы.

КЛ Профессионалы в какой области?

АГ В области топонимики. Здесь не должно быть «нравится–не нравится». Если специалисты не сумели убедить большинство – это проблема специалистов; значит, уходите. И чем хороши муниципалитеты европейские и американские? На уровне муниципалитетов не существует никаких законодательных ограничений нахождения в должности главы города. Они сидят там по 30 лет, занимаясь муниципальной политикой – развитием города. Разумно решается вопрос о преемственности решений. А у нас каждый новый чиновник отвергает решения предыдущего.

АЧ Чем мы отличаемся от этого мира в проектировании и регулировании городов? Там соучастие заложено в нормативы при разработке нового генерального плана, тем более – при реконструкции существующего поселения. Учитывая, что команды состоят из планировщиков, юристов, философов, художников, поэтов – это гуманитарная, социальная, культурная сфера города. Поэтому вырабатываются подходящие для всего города решения.

У нас есть крутые профессионалы, которые закончили градостроительные институты и делают на данный момент генеральный план, который не осуществляется даже на 5%. Я говорю о том, что сегодня в команде профессионалов не хватает и других профессионалов.

ЕГ Разные есть позиции. Американские архитекторы и планировщики с завистью слушали мой рассказ про то, что у нас школа положена регламентированному радиусу обслуживания и определенному количеству жителей. Это у нас конституционно существует с советского периода – «право на образование», поэтому у нас регламентировано количество школ на количество жителей. А у них, чтобы построить школу, все должны проголосовать и сдать деньги.

К теме просвещенного монарха добавляю один новый для меня факт. В 1874 г. на международной конференции в Брюсселе с участием императора Александра II обсуждался вопрос о сохранении исторических зданий и мест, находящихся в зоне вооруженных конфликтов.

КЛ А не кажется ли вам, что мы ищем, на кого бы переложить свою ответственность? На народ, на просвещенного монарха? Пусть кто-нибудь примет решение и несет ответственность, а мы тут не причем.

ЕГ Нет, не кажется. Мы ввязываемся в драку, как только появляется шанс. Понимаем, что будем биты, что реализация исказит проект, но идем на риск (я говорю про 130-й квартал и Иркутские кварталы).

ВБ Константин Львович зацепил меня Чертугеевским полуостровом. На сегодняшний день там, условно говоря, нет жителей. Есть застройщик, который выиграл аукцион. С кем ему советоваться о топонимике? Есть коренные иркутяне в третьем, четвертом колене, но, строго говоря, в Сибири большинство людей приезжих. И с кем советоваться в этих пригородах – с людьми, которые там ночуют, а живут и работают в городе и, соответственно, влияют на жизнь города, а не своего коттеджного поселка? В поселке у них стены высокие, и их ничего больше не касается. Сколько дискуссий и каких дискуссий должно быть, чтобы выработывалась консолидированная позиция? Потому что у нас профессиональных консультативных органов при городской Думе нет. При администрации города есть: это и градостроительный совет, и комиссия по топонимике. Какие еще нужны механизмы? Может быть, и правда нужно Думу просвещать?

КЛ Есть психологический закон Миллера: выбор возможен не более, чем из семи вариантов; больше просто не помещается в поле зрения. Когда у вас 28 вариантов названия – возникает иллюзия выбора. А кто эти семь вариантов будет разрабатывать для Думы, чтобы ей было из чего выбрать?

АЧ Возвращаемся к триаде: горожане, которые могут быть инициаторами; эксперты, которые оценили и подали квалифицированную заявку власти; власть рассматривает. Или эксперты вместо горожан предлагают, что обсуждать, это обсуждается жителями и опять-таки подается властям.

КЛ Давайте вернемся к конкретному примеру. Концепция развития Байкальского луча. Как она может быть выработана?

ЕГ Вячеслав Воронежский провозгласил идею Байкальского луча в уникальный период начала 60-х годов, времена энтузиастов. Ее высоко ценят нынешние энтузиасты и пытаются донести до руководителей региона. При предыдущем губернаторе мелькнул импульс, мы выполнили предложение и презентацию для выступления на президиуме градостроительного совета. Произошла очередная смена власти – и наша инициатива комплексного благоустройства с учетом главного направления

перестала интересовать руководство. Сейчас на нее нет спроса.

ВБ Возможно, надо формировать группу экспертов, которым эта тема интересна, в режиме дискуссии выработать идеи и решения, формировать некую основу, а далее должен быть механизм донесения этого решения профессионалов, либо через сообщество до бизнеса и власти, либо через власть до сообщества и бизнеса. В любом случае мы упираемся в эту триаду.

НЖ Инициативной группой может быть и один человек, даже корыстный заказчик, который хочет все застроить.

ЕГ Реанимировать Байкальский луч в пределах города Иркутска мы пытались при предыдущих властях – областной и городской, когда пошла мода на общественные пространства и борьбу с рекламой. Предлагая делать это системно, одновременно с народными сквериками, мы с Николаем Жуковским сделали схемы, на которых выявили ресурсные территории вокруг Байкальского луча в пределах города, выявили объекты выдающейся архитектуры и исторические объекты, показали цепь рекреаций и площадей. Именно Байкальский луч, подобие парижской оси, должен стать линейным акцентом, стимулируя дальнейшее развитие ответвлений, запуская саморазвитие прилегающих кварталов. Задавая уровень качества среды, благоустройства, дорог и общественных пространств. 130-й квартал лежит на Байкальском луче. Дальше ул. Седова проваливается в проселочную. Мы предложили системный подход к городскому обустройству, к градостроительной политике. Но без политической воли никак.

НЖ Теперь Байкальский луч – это не та линия, которую запроектировали. Возможность упущена: происходит продажа земель, застройка территорий. Но это вкладывается в мою концепцию естественного, исторического развития: власть, деньги и обстоятельства строят жизнь, а не градостроители... Жизнь надо принимать такой, какая она есть и что-то улучшать.

АГ Но если луч заканчивается тупиком, кому нужен такой луч? Надо пробиваться.

ЕГ Тупик в виде Байкала – это хороший тупик.

ВБ Но границы города заканчиваются не на Байкале, это – тупик в административном смысле.

АГ В загадочном Иркутском районе очень немного сельхозпроизводства. Если говорить о движении города и развитии в том направлении, то нужно изъять эту часть из земель Иркутского района и сделать частью города. Только так.

ЕГ К этому были подвижки – три варианта концепции «Большой Иркутск», но потом тема закрылась из-за политических обстоятельств. Реально же все пригороды Иркутска живут на городской социалке, и с этим рано или поздно придется что-то делать.

ВБ Я помню, как мэр отстаивал увеличение расходов на город Иркутск, аргументируя тем, что жители пригородов ежедневно пользуются транспортной и социальной инфраструктурой города – больницами, школами и детскими садами, магазинами и т. п.

ЕГ Преобразование территорий, их конверсия должно принять более осмысленный характер. Мне как несправедливому оптимисту кажется, что важность всего, касающегося идентичности города, сохранения наследия, топонимики все больше осознается обществом. На это влияют и события международные, и вызванный ими всплеск патриотизма. Есть ощущение, что еще немного – и совсем не модно будет сносить памятники архитектуры, выводить их из списка и т. д. Мы постоянно живем в сложных условиях, но из каждого периода должны извлекать все, что только возможно.